

Машина остановилась у здравпункта на окраине города. Вся поездка заняла около пятнадцати минут, однако из-за изменённого чувства времени, притупленного количеством обрушившейся информации, Косака воспринял её гораздо длиннее. Или, наоборот, короче.

Как бы то ни было, расстояние, которое они проехали за эти несколько или несколько десятков минут, было небольшим, однако пейзаж свидетельствовал об обратном: перед глазами стояла сплошная белена.

Место, в которое они прибыли, было со всех сторон окружено горами, а клиника оказалась единственным зданием в поле зрения. На обочине стоял обозначающий автобусную остановку дорожный знак, под которым приютились две наспех сколоченные скамейки. Укутанные снегом, они уже наверняка забылись водителями автобусов. А о том, как здесь было холодно, и говорить не приходится.

Машину объяла тишина. Вдохнув, Идзуми открыл дверь и покинул салон. Косака и Санаги последовали за ним. Касание ногой земли сопровождал хруст – расчищен был лишь главный вход больницы, и большую парковку замело небольшим, по щиколотку, слоем снега.

Здравпункт отдавал аккуратностью и меланхолией. Из-за своего молочно-белого цвета его наружная стена сливалась со снегом, что размывало контур здания при взгляде издалека. С крыши свисало бесчисленное множество метровых – а то и больше – сосулек, вот-вот готовых треснуть от своего веса и рухнуть на землю.

Над главным входом красовалась надпись «Клиника Уридзанэ». За дверью расположился небольшой зал ожидания с расставленными по кругу тремя коричневыми диванчиками. Люминесцентные лампы были готовы в любой момент отслужить своё – внутри было тускло, а линолеумные полы, отражающие их скользкий свет, имели грязный зелёный оттенок, словно покрытые плесенью. В углу стояло декоративное растение, высокое, но гармонично вписывающееся в общую картину.

В комнате сидели трое пациентов, все старики. Тихо что-то обсуждая, они сделали паузу, чтобы посмотреть на стоявших в дверях Косаку и остальных, после чего сразу же вернулись к разговору.

За стойкой регистрации стояла женщина лет тридцати с напоминающим маску Но лицом. Завидев Идзуми, она слегка кивнула и опустила голову, вернувшись к работе.

Идзуми остановился возле смотрового кабинета и сказал Косаке зайти внутрь.

– Уридзанэ нужно с тобой поговорить, – сообщил он. – Мы будем в зале ожидания. Возвращайся, когда закончите.

Косака кивнул и взглянул на Санаги. Она, казалось, хотела взглянуть на него в ответ, но отвела глаза и направилась в зал, оставив Идзуми позади.

Косака постучал, на что изнутри сразу ответили: «Войдите».

Он открыл дверь и сделал шаг в смотровую. За столом слева от входа сидел престарелый мужчина. Короткие волосы, брови и густые усы давно покрыла седина. Лоб украшала глубокая морщина, напоминающая шрам. Должно быть, это и есть заведующий Уридзанэ, – предположил Косака.

Уридзанэ поднял голову от стола и повернулся. Его вращающееся кресло заскрипело от

движения.

- Присаживайтесь, пожалуйста.

Косака занял место пациента.

Уридзанэ смерил парня оценочным взглядом. Тогда Косака ещё не знал, что сидящий перед ним старик – дедушка Санаги, поэтому о своём внешнем виде особо не задумывался.

- И многое ли Вы слышали? – спросил Уридзанэ.

Косака вспомнил разговор в машине.

- В моей голове живёт новый вид паразитов. Этот «червь» заставил меня влюбиться и сделал непригодным для общества. Всё.

- Хм-м, - Уридзанэ погладил свои усы пальцем. – Так-так, и с чего же мне начать? – он откинулся на спинку кресла и вздохнул. – Косака, да? Что думаете о сложившейся ситуации? Об этом неизвестном паразите в голове, влияющем на решения хозяина?

- ... Честно говоря, не до конца во всё это верится.

Уридзанэ кивнул.

- Имеете право. Вполне здоровая реакция.

- Хотя, - добавил Косака, - Санаги рассказывала, что некоторые виды паразитов могут менять характер людей под себя, поэтому появление червей, способных влиять на решения своих хозяев, не кажется чем-то невозможным... Но утверждать, что в этом кроется причина моей неспособности наладить отношения с людьми... На бумаге всё сходится, но всё это звучит так хорошо, что раздражает. Я не решаюсь в это поверить...

Уридзанэ его перебил:

- В нашем случае раздражать Вас должно не то, что всё так хорошо, а то, что всё так плохо.

Он указал на сложенный лист бумаги.

Газетная вырезка, датированная двадцатым июля прошлого года, с заголовком: «Самоубийство в госпитале. Доктор и пациент решили вместе покончить с собой?» .

- Если всё оставить как есть, то Ваша жизнь пойдёт по такому же сценарию, - из выдвижного ящика стола Уридзанэ достал несколько бумаг и протянул их Косаке. - Незадолго до самоубийства упомянутый в заголовке врач отослал мне электронное письмо с прикреплённым текстовым файлом. В нём хранилась вся переписка между ним и его пациентом с начала лечения до группового самоубийства. Взгляните, узнаете много нового об этом самом «черве».

Косака опустил взгляд и принялся читать первый документ.

Отправлено: 10/06/2011

Тема: Прошу прощения за нашу прошлую встречу

Это Идзуми. Хотела извиниться за свою бессвязность во время последней экспертизы, что так Вас запутала и не позволила мне обрисовать ситуацию. Все заранее приготовленные слова тут же вылетели из головы, стоило делу дойти до реального разговора. Не могу обещать, что подобного больше не повторится, поэтому решила объясниться в письме. Думаю, так будет надёжнее и быстрее, чем при личной встрече...

Всё, что я пыталась Вам объяснить – это обстоятельства, при которых мне довелось услышать Ваше имя, доктор Канродзи. Уверена, в Ваших глазах я предстала весьма странной пациенткой, учитывая мои бесконечные разговоры об этой непонятной газете, но я ничего не могла с собой поделать. Мне правда очень жаль. Сейчас я уже понимаю, что разъяснить всё следовало в хронологическом порядке. Так Вам было бы в разы проще меня понять. Мне так стыдно за собственную бестактность... Я учту эту ошибку и постараюсь ничего не забыть и в правильном порядке описать всё, что со мной происходило. Читать придётся много, прошу простить и за это.

Поначалу в качестве симптомов выступали головные боли. Пришлись они на середину апреля и продолжались примерно две недели.

Меня всегда мучили мигрени, однако боль никогда не была такой продолжительной, а приём лекарств, ранее спасавших меня на два-три дня, ни к каким положительным результатам не привёл.

Однако я всё равно старалась не обращать на боль внимания, списывая её на стресс и аллергию на травяную пыльцу. По сути, головная боль как таковая меня не очень-то и беспокоила. Спустя примерно полмесяца она пошла на убыль, а после и вовсе исчезла. Недолговременность недуга меня воодушевила и расслабила.

Проблемы начались потом. На смену головным болям пришли странные наваждения.

Я временно работаю в здании городской администрации, добираюсь туда на автомобиле. В один день я, как обычно, ехала на работу, но, стоило мне миновать очередной перекрёсток, меня внезапно охватило невероятное чувство ужаса. Я тут же вдарилась по тормозам, остановилась на обочине и начала оглядываться.

В голове возникла мысль: «Неужели я кого-то сбила?». Конечно, произойди это на самом деле, капот и лобовое стекло в мгновение бы изрисовались вмятинами и трещинами, но, сколько бы я себя в этом ни убеждала, желание выйти из салона и проверить состояние машины лишь нарастало. Снаружи, естественно, не было ни царапинки, а на дороге не оказалось ни сбитого тела, ни следов крови. Но страх никуда не уходил.

И с того дня, чтобы я ни делала, он не покидал меня ни на минуту. Спускаясь по лестнице на вокзале, я боялась, что могу случайно столкнуть человека. На работе я переживала, что могу допустить ошибку в документах, из-за которой под раздачу попадут мои коллеги. Даже просто общаясь с кем-то, я тревожилась, что скажу что-то лишнее и оскорблю собеседника. В ситуациях, когда я тотчас же могла удостовериться, что ничего не произошло, страх отступал. Но, например, от того случая с машиной я не могла оправиться до следующего утра, пока не прочитала газету. Складывалось впечатление, будто головная боль просто свела меня с ума.

Со временем я начала всё сильнее и сильнее отдаляться от людей, боясь причинить им вред и лишний раз выйти на улицу. Умиротворение я находила лишь дома, пребывая в полном одиночестве.

Мне известно об одном из видов обсессивно-компульсивного расстройства, именуемого

блаптофобией, и о наличии небольшой вероятности излечения естественным путём. Однако мысли о посещении психиатра я тут же отгоняла прочь. Скорее всего, боялась признать себя психически больным человеком и разрушить мною же воздвигнутый образ сильной женщины.

Но вечно так продолжаться не могло. С каждым днём блаптофобия напирала всё сильнее и начала заметно мешать моей жизни, поэтому я и решила придумать историю о боли в голове и расшатанных нервах, дабы заставить себя пойти в больницу и посетить терапевта. И лишь по его направлению идти к психиатру.

Результаты теста вскрыли правду, удивившую даже меня. Выяснилось, что блаптофобия была скорее результатом органических изменений в головном мозге, нежели просто психическим расстройством. Мой мозг был инфицирован червём, невероятно.

И я почувствовала облегчение. Да, звучит странно, что меня успокоила новость о живущем в моей голове паразите, но я была рада тому, насколько просто всё оказалось. Услышав, что удаление червя избавит меня от безрассудных страхов, на душе стало легко и радостно.

Однако – здесь история становится всё более и более странной – перед первым этапом лечения я начала испытывать необъяснимое чувство тревоги. Оно на фундаментальном уровне отличалось от моего страха причинить вред окружающим, ибо не имело ни малейшего обоснования. Я просто внезапно поняла, что буду сильно жалеть, если начну бороться с болезнью и избавлюсь от паразита.

И, придумав подходящее оправдание, сбежала из больницы. Больше я там не появлялась, ругая себя за неправильный поступок и в то же время не понимая его неправильности. После удачного минования ужаса мне стало легче.

Месяц спустя, однако, в голове зародились сомнения. В чём была причина той необъяснимой тревоги? Как я могла добровольно позволить своему телу защищать паразита? Я поняла, что разобраться в своих чувствах и найти ответы на эти вопросы у меня не получится, так как шанс добраться до истины отдалялся от меня с каждым днём. Складывалось ощущение, что к тому времени я уже перестала быть собой...

И вдруг я вспомнила об одной статье, которую прочитала около года назад в каком-то журнале. В ней рассказывалось о видах паразитов, способных влиять на характер и действия людей.

Долго вспоминая, я нашла эту статью и, перечитав её и все связанные с ней материалы, пришла к следующему умозаключению:

Мой мозг находится под контролем паразита.

Всё это казалось обманом чувств или просто-напросто навязчивой идеей сумасшедшей женщины. Я едва ли отличалась от больных шизофренией, которых якобы атакуют и контролируют радиоволны, и думала, что уже потеряла возможность мыслить нормально ввиду изъеденного паразитом мозга. Однако червь в моей голове был доказанным фактом, а не обманом чувств, и я пришла к выводу, что заимею право сомневаться в собственной адекватности лишь после того, как узнаю об этом паразите всю правду.

А вычитав, что автор самой подробной из статей работает в университетской больнице, расположенной неподалёку от дома моих родителей, я уже не смогла избавиться от ощущения пойманной за хвост удачи. Это и привело меня к Вам, доктор Канродзи.

Отправлено: 11/06/2011

Тема: Re: Прошу прощения за нашу прошлую встречу

Это Канродзи. Я прочитал Ваше сообщение и, наконец, понял, о какой статье вы всё время говорили. Благодарю за детальное разъяснение, теперь о Вашей ситуации я имею куда большее представление.

Честно сказать, я поражён. И, дабы объяснить своё удивление, я расскажу Вам не менее длинную историю из собственной практики.

Всё написанное ниже попрошу держать в секрете.

Произошло это полгода назад. Ко мне пришли два пациента с подозрением на паразитарную инфекцию. Мужчину мы назовём Y, а женщину – S.

Y и S имели разницу в возрасте свыше двадцати лет, но при этом являлись очагом чарующей атмосферы близости, присущей по большей части молодожёнам. Младшим в этом союзе, что необычно, был муж.

Они жаловались на хронические головные боли. МРТ мозга выявила цисты. Будучи уверенным в поразившей мозг паразитарной инфекции и желая установить точный диагноз, я исследовал спинномозговую жидкость обоих и обнаружил в ней несколько паразитов с миллиметр длиной.

Пока всё шло хорошо.

Однако я не поверил своим глазам, когда взглянул в окуляр микроскопа. Внешний вид червей из цереброспинальной жидкости не соответствовал ни одному из паразитов, виданных мною ранее. Они были похожи на каплю, острый конец которой обрамлялся двумя присосками, что уже исключает их причастность к классу трематод. Во время копуляции тела этих существ наполовину соединялись, и пара спаривающихся паразитов напоминала букву Y. Через несколько дней исследований я пришёл к выводу, что извлечённые из этих людей паразиты являли собой совершенно новый вид.

Учитывая тот факт, что целью инфекции мог оказаться головной мозг, я отнёсся к их лечению с большой осторожностью. К удалению червей, заразивших центральную нервную систему, нельзя подходить безответственно. В одних случаях цисты фоссилизуются и необходимость в лечении пропадает, в других – реакция воспаления после удаления паразита может оказаться страшнее самой болезни.

Однако в моём случае места сомнениям не было. Согласно показаниям Y и S, вместе с головной болью у них появились необычные перемены в психическом состоянии.

Обоих донимали запахи окружающих. Раньше с ними такого не происходило; они, наоборот, испытывали проблемы с обонянием, но с ослаблением головных болей всё стало иначе. И речь шла не о поте или парфюме. Даже обычные запахи, которые никто и запахами бы не назвал, вызывали у них отвращение и делали контакты с людьми просто невыносимыми.

Их это по понятным причинам тревожило, и они очень хотели узнать, есть ли связь между паразитами и наблюдаемыми симптомами. Я сказал, что на текущий момент ответа дать не могу. Мне были известны случаи, когда из-за ушиба головы давала сбой обонятельная нервная система, связывающая рецепторы запаха с мозгом, или когда дегенеративное заболевание мозга приводило к повреждению черепных нервов, но всё это приводило лишь к потере обоняния. А вот ситуации, в которых органы чувств, наоборот, становились излишне

чувствительными, едва ли мной встречались на практике. Можно предположить, что неправильность обоняния, при которой обычные запахи вызывают у человека отвращение, были следствием инфекции в околоносовых пазухах или полости рта, но... Стоило учитывать, что подобные симптомы проявлялись сразу у двух человек, поэтому логичнее было задуматься о психогенной природе их гиперосмии. Также я не забывал, что компульсивные расстройства могут проявиться в результате возникновения и прогрессирования органических мозговых заболеваний.

Но, если быть честным, их психическое состояние меня интересовало меньше всего, и, списав всё на «folie à deux», я сосредоточился на удалении паразитов, надеясь на исчезновение ментальных симптомов при избавлении от корня недуга.

А потом, когда курс лечения уже начал давать результаты, Y и S исчезли. Я пытался до них дозвониться, но в ответ на просьбу прийти в больницу я слышал лишь наспех выдуманные оправдания в духе сильной занятости на работе или плохого самочувствия. И происходило это не раз и не два. Я ни малейшего понятия не имею, что творилось у этих людей в головах, но их поведение явно изменилось в сторону защиты паразитов. И при этом я уверен, что любой, узнав о паразите в своём мозгу, захочет от него во что бы то ни стало избавиться.

А затем появились Вы, Идзуми, и Ваши симптомы имеют много схожего с тем, на что жаловались мои предыдущие пациенты: лёгкая головная боль, побег от взаимодействия с людьми, отказ от лечения... Результаты пройденного Вами теста почти один в один совпадают с тестами Y и S, что лишь подтверждает мои догадки. Доказательств у меня ещё нет, но я абсолютно уверен, что паразиты под черепной коробкой у вас такие же, как и у них. Могут предположить, что именно они и стали причиной Вашего психического расстройства.

Конечно, сейчас о каких-либо однозначных выводах говорить ещё рано, ибо жертвами паразита являются лишь три человека, и общий подход нас никуда не приведёт. Быть может, это и вовсе совпадение.

Однако я в такие выходки судьбы не верю. Шестое чувство подсказывает мне, что я наблюдаю лишь верхушку огромного и объятая тайной айсберга.

Отправлено: 11/06/2011

Тема: Спасибо Вам большое!

Это Идзуми. Благодарю за быстрый ответ. Я была уверена, что девять из десяти человек проигнорировали бы эту несвязицу сумасшедшей девушки, и даже подумать не могла о столь развёрнутом сообщении! Очень приятно.

Никак не получается избавиться от мыслей о связи между симптомами психического расстройства Y и S и моими. Я, конечно, не общалась с ними вживую, и, скорее всего, просто выдаю желаемое за действительное, но...

После Ваших слов, доктор Канродзи, я не могу перестать в это верить, ибо доверяю Вашей проницательности.

В больницу приду четырнадцатого июня. Надеюсь, в этот раз у меня получится подавить нервы и вести разговор нормально.

Отправлено: 20/06/2011

Тема: О четвёртом пациенте

Это Канродзи. Информировать Вас, что дело об изучении нового вида паразитов даёт свои плоды. Как и в прошлый раз, попрошу держать всё в секрете.

На днях я обнаружил ещё одного инфицированного. Им оказалась девушка Н, самая молодая среди всех моих пациентов. Как и все до неё, пришла на приём с жалобами на непрекращающуюся головную боль, отсутствием желания излечиваться от заражения и сильной тенденцией к избеганию контактов с людьми. Осмотр головного мозга также выявил наличие цист. Ряд сопоставительных анализов указал на вмешательство того же паразита. В случае Н отдалённость от окружающих вызвана формой скопофобии. От пациента к пациенту симптомы проявляют себя по-разному, что может указывать на уникальность каждого из случаев. Как бы то ни было, сомнений в том, что ваши психические отклонения вызваны червём, у меня почти не осталось.

Единственной загадкой остаётся короткий промежуток времени между появлениями в нашем госпитале четырёх людей с неизвестными паразитарными заболеваниями. Насколько мне известно, ни в одной другой больнице такого паразита не обнаруживали. Также беспокоит отсутствие возможности определить причину, по которой все вы оказались инфицированы: ни один из вас никогда не бывал за границей, и живёте вы все в разных регионах. Ноль точек соприкосновения. Возможно, червь попал к нам из другой страны, и теперь расширяет ареал обитания.

Касательно четвёртого пациента. Хочу ответить на вопрос, который Вы задали мне во время экспертизы. Предположение, которого Вы так боялись, было истинным. Я провожу эксперименты с новым паразитом, используя своё собственное тело. Решиться мне на это помогло не столько желание вылечить своих пациентов, сколько учёное любопытство. Поэтому случай инфицирования Н, по сути, является уже пятым.

С момента попадания в мой организм инфекции прошло не так много времени, но червь уже всюду распространяется по моему телу, хоть это ещё и не привело ни к чему, что можно было бы окрестить симптомом. Если ожидания окажутся верными, то у меня появится психическое расстройство сродни Вашему. В процессе работы с Y и S я выяснил, что для избавления от паразитов не требуется хирургическое вмешательство – его можно заменить приёмом альбендазола и кортикостероидов, как при любом другом паразитарном заболевании мозга. Так что Вы можете спать спокойно и не переживать о тяжёлых последствиях заражения. В противном случае на моей деятельности можно ставить крест.

И ещё. Как Вы узнали, что я заражён? Я уверен, что ответ Вам был известен заранее. В моей наружности произошли какие-то изменения? Если возможно, не могли бы Вы мне всё рассказать?

Отправлено: 21/06/2011

Тема: Re: О четвёртом пациенте

Это Идзуми. Рада слышать, что всерьёз мне беспокоиться не о чем. Не заметить Вашей увлечённости исследованиями невозможно – снимаю шляпу. Но не забывайте делать передышки, организму нужен отдых.

Как я смогла понять, что в Вашем организме появился червь? Если честно, не знаю. Лишь встретившись с Вами в тот день, я тут же приняла Вас таким же, как я.

Может, я подсознательно заметила незначительные изменения в вашей внешности или поведении... Но уже с самого начала нашего разговора я чувствовала, что что-то не так. Объяснить точнее не смогу. Возможно, то было обычное чувство, червём прорывающее путь в мою голову.

Немного отойду от темы. Мне нужно Вам кое-что рассказать. Даже я осознаю, что это ненормально, так что, пожалуйста, не воспринимайте мой вздор за чистую монету и не забывайте, что писала всё это сумасшедшая пациентка.

В последнее время я дни напролёт думаю о Вас. Когда просыпаюсь, когда наношу макияж, когда сушу волосы, когда работаю – эти мысли не покидают меня ни на минуту. Я размышляю о нашей следующей встрече, что я на неё надена, о чём буду с Вами разговаривать, с какой стороны позволю Вам окунуться в мой внутренний мир...

Как Вы уже наверняка поняли, я в Вас влюбилась. И мне ужасно тяжело радоваться этим положительным изменениям, зная, что сейчас они вызовут у Вас беспокойство, а в будущем – немало проблем.

Поэтому заранее прошу прощения. Мне очень стыдно. Но, пожалуйста, не бросайте меня.

Отправлено: 24/06/2011

Тема: Доклад о ходе работы

Это Канродзи. Отсылаю краткий отчёт о переменах в моём психическом состоянии после инфицирования.

Первое изменение. Один лишь вид пациентов начал вызывать у меня антипатию. Поначалу я списывал всё на усталость, однако вскоре проблема перешла с «пациентов» на «всех людей». Данный симптом соответствует «побегу от взаимодействия с окружающими» всех четырёх инфицированных. Хотя и проявлялась жалоба по-разному (Y и S испытывали дискомфорт от запахов, Вы боялись причинить вред, а Н беспокоили устремлённые в её сторону взгляды), во всех случаях она имела один и тот же корень.

И вот моя теория: инфицированные червём становятся мизантропами. Предположу, что различия в проявлении симптомов у пациентов определяются разницей между обстоятельствами, сопровождающими заражение.

Объяснить мотивацию паразита лишиться своего хозяина социализации я пока не в состоянии. Некоторые виды ленточных червей могут вызвать желание передвигаться стаями у артемий, — маленьких ракообразных, независимых по своей природе. Таким образом для них увеличивается вероятность оказаться съеденными первичным хозяином паразита, красным фламинго. Здесь логика изменений понятна. Но зачем червю изолировать свою жертву от общества?

Наличие в наших телах взрослой особи паразита означает, что его окончательным хозяином является человек. Роль окончательного хозяина заключается в распространении яиц и личинок, чему противоречит навязанная червём изоляция. Вполне возможно, что паразит преследует куда более серьёзную цель, которую мы просто не можем вообразить.

Думаю, о втором изменении Вы уже догадались. У меня появилось лёгкое нежелание очищать свой организм от червей. Сильно вдаваться в подробности не стану, так как привязанность хозяина к опасным для него паразитам не является столь необычным симптомом, чтобы

лишний раз заострять на нём внимание.

Проблемы начинаются на третьем изменении, «вздоре», о котором Вы писали в предыдущем сообщении.

Скажу честно: мне было очень приятно читать Ваше признание. Не поймите превратно, мне как врачу известно, что это неправильно, но моё влечение к Вам может быть даже сильнее, чем Ваше – ко мне. И с каждым днём, вопреки всем мизантропическим симптомам, эта привязанность становится лишь навязчивее.

Но не будем торопиться с выводами. Мы не можем поспешно предаваться празднованиям, не до конца во всём разобравшись.

Заражая себя, я решил исследовать каждое изменение в моей психике. А поскольку под влиянием червя я уже не могу с уверенностью отличить мои желания от его, мне приходится ставить под сомнение абсолютно всё.

В том числе наши романтические чувства. Но делаю я это не просто так, у меня есть обоснование.

Наблюдая за Y и S, я стал свидетелем любопытных изменений. Лечение давало свои плоды, влияние червя уменьшалось, на поправку шло их человеконенавистничество, но, будто в противовес, становились холоднее их отношения. Через два месяца после начала лечения без следа исчезла та атмосфера близости, которую я почувствовал при первой с ними встрече.

Поначалу я думал, что страх перед неизвестным заболеванием поставил их в положение «падения с навесного моста». А стоило проблеме исчезнуть, как они лишились топлива для поддержания пламени своей любви. Но теперь, будучи заражённым, я понимаю, что изменения в их отношениях имели куда более серьёзную причину. Как если бы, например... червь сохранял их любовь.

Мы не должны делать поспешных выводов о нашем влечении, пока имеется хоть какая-то вероятность вмешательства паразита в чувства хозяина. Это я и хотел до Вас донести.

Надеюсь, ко всему изложенному Вы отнесётесь с пониманием.

Отправлено: 25/06/2011

Тема: Пара вопросов

То есть Вы хотите сказать, что влюбились друг в друга не мы, а черви внутри нас?

Я понимаю, что непрофессионал вроде меня может что-то путать, но... Предположим, червь, имеющий способность влюблять хозяев, и вправду существует. Зачем ему это? Какой смысл передавать инфекцию между двумя и без того инфицированными людьми?

Я могла бы понять его намерение влюбить хозяина в здорового человека, чтобы увеличить шансы распространения болезни, но почему любовь испытывают лишь те, кто уже заражён?

Не специально ли Вы, доктор, придумали эту правдоподобную историю, чтобы держать меня на расстоянии и при этом не причинять боль? Не удивлюсь, если так оно и есть.

Отправлено: 28/06/2011

Тема: Re: Пара вопросов

Мне понятны Ваши подозрения, Идзуми. В последние дни я задавался этим же вопросом. Какую выгоду для размножения несёт влюблённость двух людей, внутри которых уже обитает червь?

И как раз вчера, во время прогулки по авеню, – я часто бесцельно брожу по улицам, раздумывая над теми или иными вещами, – на меня снизошло внезапное озарение. Всё тут же встало на свои места, стоило мне взглянуть на вишнёвые деревья ёсино, растущие вдоль дороги.

В детстве у меня был один своеобразно мыслящий друг. В школе – на тот момент начальной – он учился из рук вон плохо, по всем предметам получал лишь плохие оценки, но при этом разбирался в биологии на уровне старшеклассника. И однажды, когда мы с ним шли в школу и проходили мимо сакуры, он вдруг спросил меня:

- Ты когда-нибудь видел плоды на деревьях ёсино?

Я ответил, что нет, и тут же услышал горделивый рассказ о том, как устроена вся эта система.

- Это потому что деревья ёсино имеют сильную самонесовместимость – генетическую особенность, предотвращающую самооплодотворение. Если объяснять на примере людей: это система, препятствующая кровосмешению. Ёсино – размноженные через коливку клоны, поэтому любое перекрёстное опыление будет считаться инцухтом. У любых других вишнёвых деревьев взаимобогащение может привести к появлению гибрида, у двух ёсино – нет. А поскольку ёсино нечасто растут рядом с другими деревьями своего класса, шанс вырастить плоды на них очень мал...

Я вспомнил этот разговор, и ситуация начала проясняться.

А что, если наш червь работает так же, как деревья ёсино? Тоже обладает системой, не дающей размножаться хозяевам с одинаковой или схожей генетикой, приравнивая их к кровным родственникам?

Я развил тему дальше. Предположим, что эта система ставит крест на репродукции взрослых особей одного хозяина. Тогда для неё требуется червь, выросший в другом переносчике. Насекомоопыляемые цветы объяснить это опылителям не могут, но в нашем случае всё наоборот. Стратегия возникающей между двумя хозяевами любви подходит просто идеально.

Идея, мягко говоря, из ряда вон выходящая, и напоминает выдумки любителя научной фантастики. Возможно, я не прав, и отсутствие информации привело меня к ложным выводам. Но подобный подход не ограничивается растениями и грибами, система самостерильности нашла своё место и среди животных. Взять ту же *ciona intestinalis*. Но я долго сомневался в существовании организма, использующего столь нелогичный и сложный метод репродукции в погоне за генетическим полиморфизмом...

И на этом этапе рассуждения я опешил, ибо понял, что форма жизни с таким необычным и многоступенчатым способом воспроизводства – вне зависимости от её склонности к партеногенезу – на самом деле существует. Да, Вы уже наверняка догадались... Я имею в виду упомянутого Вами спайника парадоксального.

Им дело не ограничивается. Гермафродитами также являются некоторые виды печёночной фасциолы. Они тоже используют партеногенез, но при этом не могут достичь своей взрослой

формы без контакта с другой особью.

Названная мною нелогичной и сложной система размножения в мире паразитов, оказывается, весьма распространена.

Попробуем углубиться ещё дальше. Если паразит, способный влюбить друг в друга пару хозяев, существует, то как один инфицированный находит другого? Определённо имеет место отправка особой формы сигнала. Я не знаю его природы и интенсивности, но предположу, что само его существование является причиной, по которой заражённые пациенты приходили ко мне один за другим. Возможно, инфицированные подсознательно собираются в одном месте.

Благодаря этой теории, своё возможное объяснение обретает на первый взгляд нерациональное изменение в характере хозяина. То есть... что если контроль червя должен не изолировать заражённого, а сплотить его с себе подобными? Если все члены указанной группы будут инфицированы червём, то их исключительная принадлежность и способность к взаимодействию достигнет чуть ли не максимальных показателей. В заражённом сообществе с развитым взаимным сотрудничеством наилучшие условия для продолжения рода и высокие шансы на выживание. Не это ли идеальная среда обитания для червя, первичным хозяином которого является человек?

Паразиты, контролирующие коммуникабельность своей жертвы, уже давно привлекли к себе внимание учёных. Даже Докинз отмечал, что высокоразвитые социальные структуры термитов стали таковыми лишь под контролем микроорганизмов в их телах. Способ кормёжки изо рта в рот распространяет микробов по всей группе, и считается, что навязан он не кем иным, как этими микроорганизмами, преследующими цель размножения. Можно привести более понятный пример. Существует теория, что социальная природа зелёных мартышек и японских макаков – а следовательно, и человека – обусловлена действием ретровируса. А раз на такое способны вирусы и бактерии, то и во влиянии червя на человеческое общество нет ничего необычного.

Я ни в коем случае не испытываю желание удерживать Вас на расстоянии, Идзуми. По факту, я просто хочу убедиться в своей любви к Вам, и поэтому отчаянно избавляюсь от всех сомнений.

Если так подумать, то свои без малого пятьдесят лет я провёл в одиночестве. Всколыхнуть мои чувства не удавалось никому, и чем глубже я погружался в мир людей, тем более пустым его ощущал. Когда мне исполнилось сорок, я начал пребывать в каком-то бесчувственном состоянии, проживая дни так, будто я умираю. Но встреча с Вами заставила моё сердце биться вновь, как в старые времена, а при личном разговоре в нём колело, как у молодого парня, лишь познавшего любовь. Поэтому меня и не покидает предчувствие дурного. Предчувствие, что все наши чувства вызваны червём. Насмешку над человечеством глобальнее придумать невозможно.

Отправлено: 30/06/2011

Тема: (без темы)

Я была так счастлива, когда читала Ваше сообщение.

Очень, очень счастлива.

Настолько счастлива, что теперь и умереть не страшно.

Но если Ваша теория верна, то с удалением червя исчезнут и мои чувства к Вам.

Это не может не пугать.

Я загляну на приём в начале июля.

До встречи!

На этом сообщения закончились. Косака молчал, не поднимая взгляда от документов.

Он перепроверил все даты. Переписка закончилась тридцатого июня, а самоубийство приходилось на двадцатое июля. Одному Богу известно, что могло произойти за этот двадцатидневный период. Канродзи и Идзуми не пролили свет на самую важную часть, унеся этот секрет с собой в могилы.

В намерениях Уридзанэ показать Косаке эти бумаги сомневаться не приходилось. Канродзи и Идзуми влюбились друг в друга под влиянием червя и впоследствии совершили загадочное двойное самоубийство – крайне велика вероятность того, что Косака и Санаги, так же полюбившие друг друга под воздействием паразита, разделят их судьбу.

- Упомянутая «Н» - это Санаги? - спросил Косака, возвращая Уридзанэ газетную вырезку и документы.

- Да, Вы правы, - мужчина кивнул.

Задумавшись на несколько секунд, Косака задал ещё один вопрос:

- Характер Санаги до заражения сильно отличается от сегодняшнего?

- Сложный вопрос, - Уридзанэ скривил губы и почесал шею. - В каком-то смысле да, но... Всё слишком запутанно, чтобы говорить наверняка.

- То есть..?

Мужчина слегка приподнялся в кресле, отчего то вновь заскрипело, и посмотрел в окно, верхняя часть которого была загорожена свисающей с крыши длинной сосулькой.

- Я расскажу. Всё, что произошло с Хидзири за последний год. И как червь разрушил ей жизнь.

Уридзанэ выпрямился, сложил руки на коленях и приступил к рассказу:

Началось всё с самоубийства одной супружеской пары.

Они состояли в хороших отношениях, не испытывали проблем с деньгами, дела мужа шли в гору, жена наслаждалась работой по дому, их единственная дочь росла, как все дети. Идеальный пример счастливой семьи. Ни одной причины свести счёты с жизнью.

Какие-либо сомнения в том, что это было именно самоубийство, рассеялись после рассказов очевидцев, видевших, как пара, держась за руки, спрыгнула с моста в горах. То было около

года назад...

Их дочь, Хидзири, осталась одна. На тот момент ей только-только исполнилось шестнадцать. Другой родни у неё не было, поэтому забота о девочке легла на плечи её дедушки по материнской линии. На меня.

В первое время она со мной почти не общалась. Не то чтобы девочка отказывалась разговаривать – моя внучка просто забыла, как вести диалог с окружающими. Весёлая и дружелюбная в прошлом, она стала тихой и молчаливой. Я думал, виной всему пережитый шок от потери родителей. В конце концов, её покойная мать – от которой я давно не получал никаких вестей, но всё же – моя родная дочь, да и сам я похоронил жену двумя годами ранее, так что тоска Хидзири была мне прекрасно понятна.

Истина, однако, пошла вразрез с моими ожиданиями. Всё это время девочка тонула не в скорби, а в своих мыслях.

- Мне кажется, мама с папой не могли совершить самоубийство, - как-то раз ни с того ни с сего произнесла она.

- Что ты имеешь в виду? – поинтересовался я.

И тут её будто прорвало, Хидзири выговорила всё. О том, что за полгода до самоубийства родители начали вести себя как-то подозрительно: стали бояться людей и страдать манией преследования, – жаловались на подсматривающих за ними соседей или слежку на улице.

- Тогда их резкие перемены казались мне странными, но сейчас, кажется, я всё поняла, – сказала она. – Они были больны. И я, похоже, подхватила ту же заразу.

Из всего услышанного я не понял и половины. Однако когда спустя некоторое время она начала часто прогуливать школу и отдаляться от меня, я наконец понял, что означало её «больны».

Я сердцем почувствовал, что она пошла по стопам родителей, и понял, что девочку нельзя оставлять одну, иначе может произойти непоправимое. Это был не тот случай, в котором я мог надеяться на целительные способности времени.

Я водил Хидзири по многочисленным психотерапевтам и психиатрам, но все они лишь разводили руками; всё, что нам удалось выяснить, – это то, что она боится взглядов окружающих и что никаких признаков улучшения у неё не наблюдается.

Дело сдвинулось с места во время одного из приёмов у психолога, когда Хидзири, слушая о процессе лечения, вдруг сказала:

- Я поняла. Внутри моей головы находится червь.

Никакой реакции она не ждала, но услышанное оказалось для меня громом среди ясного неба. Я был уверен, что это поможет разобраться в проблеме, и попросил её рассказать всё подробнее, но она уклонилась от вопроса, сказав, что это шутка, и с тех пор больше никогда не поднимала тему о черве.

Психолог рассказал мне об общей интерпретации «червя в голове»: при сильном стрессе и диссоциативных расстройствах у пациентов могут наблюдаться галлюцинации, связанные с

паразитами внутри их тела.

Но эта фраза не давала мне покоя. Я засыпал и просыпался с мыслями о «черве в голове». В этом вскользь брошенном предположении я даже пытался разглядеть скрытый смысл, опираясь уже не на знания врача, а на подсознательные ощущения кровного дедушки.

Позже у неё появились головные боли, Хидзири каждый день пила обезболивающие. Поначалу я думал, что для девушек её возраста это нормально, но потом опять вспомнил её фразу и уже не мог успокоиться до точного выяснения причин.

Я настойчиво просил её объясниться, но она вечно отвечала одно и то же: «Я этого не говорила». В итоге я обманом заставил её сдать анализы крови.

Результаты меня поразили, в плохом смысле этого слова. У моей внучки наблюдались завышенные показатели иммуноглобулина Е и высокий уровень эозинофилов, что свидетельствовало об аллергических реакциях и паразитарной инфекции. Для доказательства существования «червя в голове» этого было мало, но какие-то изменения в её организме определённо происходили.

Один мой товарищ свёл меня с профессором, работающим в области паразитологии. Этим профессором был Ютака Канродзи – человек, ставший центром произошедшего инцидента.

Он почти разменял свой пятый десяток, имел угрюмый учёный взгляд, но в то же время отличался высоким ростом и красивыми чертами лица и располагал к общению. В своих кругах он был весьма популярен и известен как человек, который не побоится заразить себя самого во имя исследований.

Я рассказал ему о странной смерти супружеской пары, патологических изменениях моей внучки, её хронических головных болях, «черве в голове» и анализах крови. Я готовился оказаться осмеянным, но к моей истории профессор отнёсся с неподдельным интересом. Скажу больше: на упоминание «червя в голове» и скопофобии он отреагировал особенно остро.

Хидзири прошла несколько специальных тестов. На следующей неделе результаты были уже готовы, однако идти в больницу она отказалась, сославшись на головную боль. Я понимал, что это лишь предлог, но заставлять её не хотел, и поэтому пошёл к Канродзи один.

И то, что я там узнал, повергло меня в шок.

- Сперва взгляните на это.

Профессор показал мне МРТ головного мозга Хидзири. Снимки пестрились контрастными кольцеобразными областями. Следом он протянул мне результаты анализа крови и, прежде чем я успел взглянуть на цифры, объявил:

- Я пришёл к выводу, что в голове этой девушки обитает паразит.

Я ахнул и медленно кивнул. По какой-то причине у меня получилось принять правду с таким спокойствием, что я сам счёл это странным. Профессор Канродзи продолжил:

- Однако Вашей внучке в той или иной степени очень повезло. Если, конечно, инфицированного паразитом человека можно назвать везучим... То, что Вы пришли именно ко мне – не иначе как чудо.

Затем он поведал мне о пациентах с похожей симптоматикой. О новом виде паразитов у них в головах, о предполагаемой возможности «червя» манипулировать хозяином и о том, что существующие ныне лекарства позволяют с лёгкостью избавиться от заражения.

На следующий день я вновь пришёл в больницу, но уже с Хидзири, и она начала проходить лечение под присмотром профессора.

Но не прошло и месяца, как мы узнали о его кончине.

О суициде Канродзи писали во всех газетах. Самоубийство профессора в высшем учебном заведении – уже громкое событие, но в нашем случае оно подкреплялось самоубийством одной из пациенток, что развело ещё больше суматохи. Какие только теории люди ни придумывали, чтобы дать объяснение произошедшему.

Я показал одну из статей Хидзири. Скрывать это не имело смысла. Она прочитала заголовок и произнесла:

– Хах, прям как мама с папой.

Примерно такая же реакция была и у меня.

– Скорее всего, этот доктор на собственном теле проводил тесты на влияние червя, – добавила она тем же монотонным голосом. – Хороший был человек...

– Ты думаешь, что к этому самоубийству тоже причастен паразит? – поинтересовался я, и она без раздумий кивнула, словно это было очевидно.

– А пациент, убивший себя вместе с доктором – наверняка один из инфицированных. Мне кажется, это девушка, обратившаяся к профессору Канродзи незадолго до меня.

– Спрошу напрямую. Сейчас ты чувствуешь хоть какое-то желание умереть?

– Думаю, я совру, если отвечу «нет», – Хидзири пожала плечами. – Но это продолжается уже давно и никак не связано с моей нынешней болезнью. То лишь одна из особенностей моего характера.

Я немного успокоился.

– Похоже, этот паразит – опасное существо, которое может заставить заражённых кончать жизнь самоубийством, – предположила она, тыкая пальцем себе по лбу. – А не могут ли симптомы каждого из инфицированных различаться? Если нет, то почему муж с женой, которые пришли в больницу самыми первыми, до сих пор живы?

– Тебе не страшно? – спросил я, наблюдая, с каким спокойствием моя внучка принимает эту ситуацию.

– Страшно. Но зато теперь одно я знаю точно. Мама с папой не бросали меня и не убивали друг друга. Их убил паразит.

И она улыбнулась. Иронично, но это была первая улыбка Хидзири, которую я увидел с тех пор, как взял её под опеку.

Лишь вечером я заметил, что перед самоубийством профессор Канродзи отослал мне письмо по электронной почте.

Похоже, он до последнего боялся бросать трёх оставшихся пациентов, и поэтому доверился мне, человеку той же профессии, который, ввиду родства с одной из заражённых, лучше других знаком с червём. А в виде переписки он отправил их наверняка потому, что не имел времени собрать всю информацию в один текст.

Я перечитывал эти сообщения снова и снова, но так и не смог понять, каким образом паразит вызывает у хозяина желание свести счёты с жизнью. Ясно было одно: перед влиянием червя не смог устоять даже такой умный и образованный человек, как профессор Канродзи.

Я возобновил лечение пары Хасэгава, - Юдзи и Сатоко, упомянутых в переписке как «Y» и «S». Паразитарные расстройства не были моей специальностью, но я воспользовался описанными в сообщениях методиками и, вместе с Юдзи и Сатоко, принялся изгонять червей из Хидзири.

С учётом того, что все погибшие ранее люди представляли собой две пары инфицированных, я сказал Хасэгавам на какое-то время разъехаться, и они с готовностью воспользовались моим советом. По-моему, они были даже рады выпавшей возможности пожить отдельно – всё, как рассказывал профессор Канродзи в своих сообщениях. Их отношения, казалось, были испорчены настолько, что исправить их уже не представлялось возможным.

В то время как Юдзи и Сатоко шли на поправку, у Хидзири признаков улучшения не наблюдалось вообще. Всем троим я прописал одни и те же антигельминтные средства, но разница в их эффективности была просто шокирующей. Мизантропия Хасэгав сходилась на нет, а состояние Хидзири лишь ухудшалась.

И, как оказалось, тому было чёткое обоснование. Моя внучка не принимала лекарства.

Однажды я стал свидетелем того, как она выкидывает таблетки в мусорку. Встретившись со мной глазами, она не извинилась и просто пожала плечами, как бы говоря: «можешь злиться, мне всё равно».

Я сделал ей выговор и спросил, даёт ли она отчёт своим действиям, на что Хидзири вздохнула, окинула меня уставшим взглядом и сказала следующее:

- Я не нуждаюсь в лечении. Если болезнь может меня убить – пусть убивает, мне плевать. Чем быстрее это произойдёт, тем лучше.

Все мои попытки объяснить ей, что подобные мысли навеяны червём, желающим защитить себя, терпели крах. Вскоре она выветлила волосы, проколола уши, окончательно забросила школу и перестала читать любую литературу, кроме старых книг по философии и статей о паразитах.

Мне казалось, что для очищения организма сперва нужно заставить её осознать необходимость лечения. Однако я понятия не имел, как привить ей положительное отношение к дегельминтизации.

И тут появился мистер Идзуми. Фамилия этого взявшегося из ниоткуда человека показалась мне очень знакомой. Ещё бы. Он оказался отцом мисс Идзуми, той самой девушки, что совершила самоубийство вместе с доктором Канродзи. Он, как и я, получил сообщение от профессора и тоже знал о черве.

Он работал телохранителем в крупной оборонной корпорации, однако его внешний вид и манера общения ассоциировались скорее с учёными или инженерами. Мистер Идзуми несколько не презирал зашедшего за рамки врача, совершившего самоубийство со своим пациентом – он уважал профессора Канродзи и считал его превосходным доктором, старавшимся вылечить его дочь ценой собственной жизни.

Его спокойствие казалось мне странным. Смог бы я держаться так же достойно, если бы вместе с профессором Канродзи из жизни ушла не дочь мистера Идзуми, а моя внучка? Нет. Даже представить себе этого не могу.

Пришёл он, чтобы узнать, не нужна ли мне его помощь в уничтожении червя, но получил вежливый отказ. Я был признателен за это предложение, но, честно сказать, не видел никакой перспективы в совместной работе с сомнительным непрофессионалом вроде него.

Мистер Идзуми, однако, и не думал сдаваться и умолял меня найти для него занятие. По его ярко горящим глазам я предположил, что он просто не хочет, чтобы смерть его дочери оказалась бессмысленной. Эти печальные события послужили толчком к действию и пробудили в нём желание спасти других пациентов. Но что мне было ему предложить?

Я проникся к нему глубокой симпатией и сказал, что обдумую просьбу. И вскоре нашёл работу, которую мог бы ему поручить.

Когда я рассказал мистеру Идзуми о том, что Хидзири пессимистично относится к лечению и проявляет слабую волю к жизни, он тут же ответил:

– Предоставьте это мне, – он ударил себя по груди. – Я обязательно помогу Вашей внучке раскрыть своё сердце.

С этого и начались его попытки вернуть прежнюю Хидзири. И вскоре он наткнулся на Вас. Это лишь совпадение. Мистер Идзуми просто искал людей, которые могли бы установить тесные отношения с Хидзири, и даже представить себе не мог, что найдёт ещё одного инфицированного.

Как бы то ни было, это привело к вашей взаимной любви и помогло моей внучке открыться. Если бы я не проникся симпатией к мистеру Идзуми и не прислушался к его просьбе, то Хидзири бы до сих пор была одна и продолжала накапливать тьму в своём сердце. Вот что имеют в виду, когда говорят: «Твори добро, и оно к тебе вернётся».

На этом история закончилась. Уставший Уридзанэ прочистил горло.

Косака мысленно рассортировал информацию, полученную из прочтённых сообщений и рассказа доктора, и выделил три основных черты «червя», обитавшего в нём и в Санаги.

1. Червь изолирует своего хозяина.
2. Червь заставляет хозяев влюбляться друг в друга.
3. При определённых обстоятельствах хозяева кончают жизнь самоубийством.

- Иными словами, - заговорил Косака, - Вы позвали меня сюда, чтобы избавиться от червей раньше, чем мы с Санаги разделим судьбу профессора Канродзи и мисс Идзуми?

- Именно.

- И это означает... - Косака задумался. - Вы собираетесь нас разделить?

- В точку. Да, не кто иной, как мы и заставили вас встретиться, но ситуация изменилась. Мистер Идзуми нанял Вас, чтобы у Хидзири появился друг, она открыла своё сердце и вновь захотела жить. В выборе он не ошибся, но... если речь заходит о паразите, то история принимает совершенно другой облик. Мне очень жаль, но я не могу позволить Вам с Хидзири быть вместе. Иначе произойдёт немыслимое.

Косака попытался представить то «немыслимое», о котором сказал Уридзанэ, и перед его глазами тут же вспыхнули необычайно чёткие образы его самого и Санаги, совершающих самоубийство. Что ж, при нынешних обстоятельствах такой исход ни для кого бы не стал неожиданностью, - подумал он, словно не имеющий никакого отношения к сложившейся ситуации. Если бы Санаги, сославшись на тяжёлую жизнь, попросила бы его пойти на подобное, он бы вряд ли отказался. Равно как и наоборот.

Возможно, появление такой идеи было лишь вопросом времени, и время это ещё просто не пришло. Оно могло прийти завтра, и Косака тут же бы посвятил Санаги в свои планы. От этой мысли у него по спине пробежал холодок.

- Сиюминутного ответа я не жду, - произнёс Уридзанэ, пока Косака молча предавался раздумьям, сложив руки на груди. - Чтобы разобраться во всём услышанном, Вам потребуется время.

Косака кивнул.

- Я даю Вам пять дней. За это время прошу решить, будете Вы проходить лечение или нет. Никаких особых приготовлений оно не потребует и не представит из себя ничего сложного, так что начать мы сможем сразу после Вашего ответа.

Косаке вспомнилось сообщение Канродзи, в котором тот упоминал отсутствие необходимости в операции и лечение путём приёма одних лишь лекарств.

- Лично я, конечно же, надеюсь, что Вы не поддадитесь искушению паразита и таки вознамеритесь от него избавиться. Но заставлять я Вас не буду. Если речь идёт не о моих родных, то принуждать пациента проходить лечение вопреки его воле я не собираюсь.

Пять дней, - про себя повторил Косака. - Пять дней на принятие решения.

- Одно важное уточнение, - добавил Уридзанэ. - При отказе от лечения Хидзири Вы больше никогда не увидите. Не знаю, в чью сторону сделает выбор она, но позволять инфицированным людям находиться вместе слишком опасно.

- Понял. К тому же так я никогда не избавлюсь от гермафобии и мизантропии.

- В самом деле. Но даже при согласии пройти курс лечения к Хидзири я Вас не подпущу, пока мы окончательно не убедимся в вашем полном выздоровлении. Надеюсь, это Вы понимаете.

- Да...

Затем Уридзанэ, словно что-то вспомнив, открыл выдвижной ящик стола и протянул Косаке фотографию. Изображение напоминало чернильную кляксу из теста Роршаха, однако на

основе всего услышанного Косака уже догадался, что было запечатлено на этой карточке.

– Это и есть наш червь?

Мужчина кивнул.

– Фото помогает отнестись к ситуации более серьёзно, не так ли? Здесь изображено два червя. Профессор Канродзи писал об этом своей пациентке – когда один паразит встречается другого, их мужские и женские половые органы соединяются, и они прилипают друг к другу в форме буквы Y.

Косака вновь взглянул на фото. Черви бледно-красного цвета напоминали ему не Y, а нарисованное маленьким ребёнком сердце.

Парень вернулся в зал ожидания, сидящие на диване Идзуми с Санаги тут же подняли глаза. Косака улыбнулся девушке, но та отвела взгляд и опустила голову.

– Вот и всё. Я подброшу тебя до дома, – сказал он и повернулся к Санаги: – Увидимся, Хидзири.

Девушка, судя по всему, оставалась здесь. Возможно, эти стены уже стали ей родными, и она жила в этой клинике.

Косака остановился перед Санаги, желая сказать пару слов перед уходом, но не знал, как с ней заговорить.

Нет. На самом деле знал. Банальное «Не беспокойся. Даже после того, как я узнал правду, мои чувства к тебе не изменились». Так просто.

Но произнести этого Косака не мог. Уверенности в былых чувствах у него не осталось.

Если так подумать, то всё уже с самого начала было неестественно, – рассуждал он. – Что могло пленить Санаги в таком никчёмном человеке, как я? Почему наши компульсивные расстройства шли на поправку, когда мы были вместе? Как могла зародиться любовь между двумя с людьми с такой большой разницей в возрасте? Слишком много нелогичных моментов.

Но всё тут же встаёт на свои места, если наши чувства счесть за обман зрения, вызванный червём. Влюбились друг в друга не мы с Санаги. Влюбились друг в друга паразиты внутри нас.

Косаку просто искусно обманули, а сейчас его чувства протрезвели от пьянящего счастья, которым он наслаждался лишь несколько часов назад.

В конце концов, он покинул клинику, так и ни слова не сказав Санаги. Всю дорогу домой он рассеяно смотрел в окно и лишь под конец поездки решил заговорить:

– Я кое-что забыл спросить у доктора Уридзанэ...

– Что именно? – спросил Идзуми, не отрывая взгляда от дороги. – Может, я отвечу за него.

– Удалось ли обнаружить путь заражения?

Идзуми покачал головой.

– Увы. Уридзанэ склоняется к версии инфекции полости рта. Тебе просто не повезло, и ты съел

что-то с червём внутри. Есть идеи, что бы это могло быть?

- К сожалению, нет.

- Ожидаемо. Ещё что-нибудь?

- Может ли червь передаваться от человека к человеку?

- Да, - быстро ответил Идзуми, видимо, готовый к этому вопросу. - Взрослые особи обитают в центральной нервной системе, однако яйца и личинки перемещаются по всему телу через кровоток. Но просто жить вместе недостаточно, иначе бы червь не заставлял хозяев влюбляться друг в друга. Понимаешь, к чему я клоню?

- Да. Получается своего рода венерическое заболевание.

Идзуми ухмыльнулся.

- Можно и так сказать. Но мы знаем, что заразился ты не от Хидзири Санаги. Паразит уже давно скрывался в твоём теле.

- Я знаю. Санаги я и не подозревал, просто было любопытно.

Ответ Идзуми окончательно расставил все точки над i. Двадцатого декабря Санаги попыталась поцеловать спящего Косаку, но вовремя одёрнула себя и сказала: «Я чуть не довела нас до точки невозврата».

Она решила заразить Косаку. Однако тогда ещё никто не подозревал, что он и без того инфицирован, а Санаги знала, что хозяева червя неминуемо влюбляются друг в друга. Она планировала сделать их взаимоотношения идеальными, но, почти достигнув цели, вернулась в чувства и поняла, что не сможет смотреть Косаке в глаза, подвергнув его жизнь опасности.

Очень похоже на правду.

Высавив Косаку и пройдясь с ним до двери, Идзуми сказал:

- Я заеду через пять дней в полдень. К нашей следующей встрече ты должен быть готов дать ответ.

- Не думаю, что на обдумывание уйдёт столько времени.

- Не надо сильно на этом заикливаться. Подобное могло произойти с каждым. Алкоголь, одиночество и тьма пускают пыль в глаза и заставляют в первом встречном человеке увидеть предначертанную свыше любовь. А понимание собственной ошибки приходит только трезвым утром. Примерно то же самое случилось и с тобой.

И, не сказав ни словом больше, Идзуми ушёл.

Косака не заходил в дом; он просто стоял у порога, рассматривал разливающийся по чужим окнам свет и думал о том, насколько сильно отличается жизнь других людей от его собственной. И понял, что вряд ли когда-то рассматривал окружающих под таким углом.

Косака вдруг вспомнил о смерти своей матери.

Интересно. Возможно, заражён давно не я один, а её самоубийство было спровоцировано именно червём.

За месяц до суицида она стала нехарактерно доброй и ласковой, чего с ней никогда раньше не происходило. Мать, которую он знал до этого, не признала бы собственных ошибок, даже если бы мир перевернулся вверх дном.

Но если за этим стоял червь, то всё становится понятно. Его мать, нелюдимая под влиянием паразита, открыла своё сердце инфицированному Косаке. Паразиты в их телах зывали друг к другу.

Парень внезапно приободрился. Теперь я могу безо всяких сомнений ненавидеть её, – подумал он. – За всю свою жизнь эта женщина так и не смогла полюбить меня по собственной воле.

От досады на душе не осталось и следа.

<http://tl.rulate.ru/book/5373/281801>